

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

9-10 августа.

(Всеобщіе толки о берлинскомъ създѣ.—Избѣгая комментаріевъ, мы переходимъ на нейтральную почву.—Положеніе славянъ въ виду създа.—Отчаяніе поляковъ и признанія «Края».—Тяжкое положеніе чеховъ и «Московскія Вѣдомости», читающія имъ урокъ о политической несостоятельности. — Мыѣніе «Голоса» о благихъ послѣдствіяхъ създа для славянъ. — Факты, говорящіе противное: угроза распустиить хорватскій сеймъ; запрещеніе депутацій въ Бѣградъ; арестъ Скрейшовскаго; мѣры противъ австрійскихъ сербовъ.—Отношенія Австріи къ Сербскому княжеству и значеніе бѣградскихъ празднествъ.—Хорваты устраиваютъ на свои средства университетъ.—Проектъ раздѣленія пражскаго университета по національностямъ.—Разоблаченіе шпионства Карла Сабини и добрыя послѣдствія этого открытія. — Вѣсти съ запада: сближеніе Франціи съ Англіей; письмо Тьера къ Амедею; демонстрація Антонелли; возможность распущенія французскаго національнаго собранія.)

Политическій міръ въ данную минуту не живетъ настоящимъ; онъ весь поглощенъ заботой о недалекомъ уже будущемъ и колеблется между оптимистскими надеждами и опасеніями ожидающихъ его невзгодъ. Трудно было бы перечислить всѣ безконечно-разнообразныя оттѣнки догадокъ, комментаріевъ, успокоеній и утрашеній, которыми отразился въ европейской печати слухъ о сентябрьскомъ създѣ въ Берлинѣ. Съ нашей стороны предаваться преждевременнымъ догадкамъ и разяснять то, что задумано государственными людьми Берлина (ибо имъ принадлежитъ первая мысль о създѣ) было бы излишне и, вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, неудобно. Есть вопросы, о которыхъ нужно или говорить много и разяснять весь смыслъ подготовляющагося факта во всемъ его истинномъ значеніи, или не касаться его вовсе. Въ данномъ случаѣ фактъ однако такого рода, что, несмотря на какое бы то ни было воздержаніе, невозможно пройти молча мимо него. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о послѣдствіяхъ сближенія нашего съ Пруссіей и Австріей (въ прежнее время подобное сближеніе отражалось у насъ на усиленіи охра-

пительной политики, и, какъ извѣстно, названныя державы дарили насъ новѣйшими своими консервативными системами), мы коснемся болѣе нейтральной почвы, именно вліянія будущаго сѣзда на славянъ. Легко представить себѣ, какое уныніе возбудила въ славянской печати вѣсть о сближеніи австрійскаго правительства съ кабинетомъ желѣзнаго графа,—вѣсть, равносильная усиленію германизма и централизаціи въ ущербъ остаткамъ свободы и національной равноправности. Первые, и большіе прочіе, ощутили это поляки, все еще съ довѣрчивостью взиравшіе на Вѣну, ожидая давно обѣщаннаго соглашенія и вѣря въ твердость даннаго имъ слова. Отнынѣ не можетъ быть рѣчи объ удовольствованіи галицко-польскихъ требованій, и все долгое упиженіе, заискиваніе и выпрашиваніе, оттолкнувшее отъ поляковъ прочіе славянъ, пропало даромъ. Поздними угрызениями совѣсти отозвалось это тяжелое разочарованіе на умахъ польскихъ, и краковскій «Край» съ рѣдкой откровенностью и правдивостью сдѣлался выразителемъ этого тяжелаго самообличенія. Къ великому негодованію старопольскихъ газетъ, въ родѣ «Газеты Народовой», онъ выставилъ на позоръ всю бездѣятельность своихъ соотечественниковъ, прикрываемую лишь суетнымъ метаніемъ отъ одного правительства къ другому, всю иперцію ихъ, благодаря которой, всѣ либеральныя мѣры въ польскихъ земляхъ (освобожденіе крестьянъ въ Царствѣ, конституціонныя льготы въ Галиціи, умноженіе школъ въ Познани и т. д.) были проведены и задуманы не поляками, а тѣми же враждебными имъ правительствами. Эта-то слабость довела ихъ теперь, по мнѣнію краковской газеты, до тяжкаго и вполне предвидѣннаго пораженія. Ими пользовались нѣкоторое время, какъ полезнымъ орудіемъ, и потомъ съ презрѣніемъ бросаютъ, какъ негодную ветось.—Еще печальнѣе положеніе прочіе цислейтанскихъ славянъ; правительство считало нужнымъ заигрывать съ поляками и дѣлать имъ изрѣдка легкія уступки, но для чеховъ, словенцевъ и друг. оно было неприступно и безошадно,—чего же ждать имъ теперь отъ него, когда оно вступаетъ въ періодъ полной реакціи? Чешскіе органы вначалѣ утѣшали себя слухами, пришедшими къ нимъ изъ Вѣны, которые утверждали, будто бы берлинскій сѣздъ будетъ началомъ паденія нѣмецкой партіи въ Цислейтаніи, такъ какъ берлинскому кабинету, вступающему въ дружескія сношенія съ вѣнскимъ правительствомъ, нѣтъ болѣе нужды поддерживать германофильскія стремленія австрійскихъ нѣмцевъ, а напротивъ есть интересъ заботиться о прочности государственной связи у своего союзника. Въ Вѣнѣ понимаютъ это, утверждали пражане, и положатъ копецъ оргіямъ онѣмеченія, водворивъ новую политику, династически консервативную; настоящее министерство падетъ, и славянамъ станетъ легче жить. Бѣдные славяне!... Они должны радоваться даже водворенію консерватизма, если онъ общается имъ хотя нѣкоторое облегченіе ихъ доли! Какое нечальное положеніе, а вмѣстѣ

съ тѣмъ и какая обманчивая надежда! Еслибы даже и приостановилось на время бѣшеное онѣмеченіе славянъ, то развѣ новая политика, съ ея консервативными принципами, не отниметь у чеховъ всѣхъ тѣхъ небольшихъ вольностей, которыя все-таки гарантировала имъ настоящая конституція,—развѣ не лишатся они тѣхъ правъ сходогъ, ассоціацій, устройства митинговъ, возможности иной разъ свободно обсуждать національные вопросы въ печати, не подвергаясь преслѣдованію? Не станетъ нѣмецкаго натиска,—наступитъ старо-австрійская, радовитая, черно-желтая реакція. Что изъ двухъ хуже, трудно рѣшить.

Чехи пытаются даже возложить послѣднюю надежду на поляковъ, полагая, что они перейдутъ, наконецъ, въ ряды федералистовъ и тѣмъ дадутъ иной оборотъ цислейтанскимъ дѣламъ. «Московскія Вѣдомости» воспользовались этимъ, чтобы прочесть чехамъ рѣзкій урокъ за политическую несостоятельность и грозно напоминаютъ имъ о томъ, что сочувствіе Россіи къ нимъ будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока они будутъ стоять за русскій элементъ въ Галиціи противъ польскихъ притязаній. Совѣтъ не дурной, хотя совершенно несвоевременный. Поучать людей, стоящихъ на краю гибели, и грозить лишить ихъ своего сочувствія—не трудно. Но какъ же было не понять, что въ критическую минуту даже и къ несбыточному обращаются за помощью, что чехи не забыли славянскихъ связей, соединяющихъ ихъ съ поляками столько же, какъ и съ русскими, что, наконецъ, угроза лишить сочувствія просто смѣшна, потому что это сочувствіе ровно ничего не сдѣлало для облегченія чешской доли, да и теперь не только спокойно смотритъ на готовящееся закланіе, но еще берется читать въ такую пору правоченія.

Другой русскій органъ, «Голось», обсуждая вѣроятныя послѣдствія берлинскаго съѣзда, высказываетъ убѣжденіе, что вслѣдъ за нимъ произойдетъ измѣненіе въ отношеніи Австріи къ славянамъ, и это измѣненіе является, по мнѣнію названной газеты, какъ бы неизбѣжнымъ условіемъ сближенія съ Россіей. Факты однако утверждаютъ насъ въ совершенно противоположномъ мнѣніи. Идя на сближеніе, обстановленное такими заранѣе предвидѣнными условіями, естественно было бы теперь же выказать нѣкоторое смягченіе, нѣкоторую умѣренность. Напротивъ того, давно австро-венгерское правительство не выказывало такой безпощадной строгости къ славянамъ, какъ въ настоящую минуту. Такъ, оно заподозрило бѣлградскія празднества въ честь совершеннолѣтія князя Милана въ тайныхъ демонстративныхъ цѣляхъ и строго воспретило сначала пражской думѣ, а затѣмъ и цѣлому ряду городскихъ представительствъ въ Венгріи, въ особенности въ мѣстностяхъ съ сербскимъ населеніемъ, высылать депутатовъ въ Бѣлградъ. Когда же, нарушивъ первоначальное рѣшеніе не вдаваться въ полемику по этому вопросу, пражская «Politik» напечатала довольно рѣзкую статью про-

тивъ правительственнаго произвола, издатель «Politik», Скрейшовскій, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Но не только по отношенію къ славянамъ Австрія является болѣе чѣмъ когда-нибудь подозрительною, придирчивою и мстительною, но и въ чистосердечности ея сближенія съ Россіей есть все больше и больше оснований сомнѣваться. Въ прошломъ обозрѣніи мы имѣли уже случай, со словъ «Wandereg», указать на продолжающіяся фортификаціонныя работы въ Галиціи передъ самую русскую границу. «Wandereg» еще можно было бы заподозрить въ невѣрномъ изложеніи факта, такъ какъ эта газета послѣ долгодѣтельнаго служенія нѣмецкимъ интересамъ перешла нынѣ въ славянскія руки и защищаетъ совершенно иную политику. Но на дняхъ «Neue Freie Presse» сообщила подробности о производимомъ укрѣпленіи Перемышля. Противъ кого же направлены эти укрѣпленія, повторяемъ мы, — кто тотъ врагъ, на котораго смотрять съ нихъ пушечныя жерла? Не Франція и не Римъ, два врага Германіи, для одолѣнія которыхъ она хотѣла бы заручиться постороннею помощію, — такъ неужели это дружественная Россія, сближеніе съ которой еще истолковывается понынѣ въ оффиціозныхъ австрійскихъ газетахъ какъ прочный залогъ европейскаго мира? Иезуитизмъ никогда не покидалъ вѣнской политики и ни при какихъ обстоятельствахъ отъ нея нельзя ожидать свѣта для славянъ. Развѣ въ минуту сильнаго погрома она согласится на многое, отступится отъ многаго въ пользу славянъ, — но лишь только минуетъ невзгода и силы начнутъ возвращаться, она же первая отниметъ все, щедро ею данное. Славяне австрійскіе стоятъ теперь на распутьи — роковымъ и гибельномъ; не возрожденіе, а послѣдняя борьба ждетъ ихъ, и она уже не за горами.

Само хорватское соглашеніе, съ такимъ усиліемъ и съ столькими жертвами начинавшееся установляться, — это соглашеніе оказывается снова непрочнымъ. Очевидно, что въ воздухѣ вѣетъ не примпрительнымъ духомъ. Серьезнаго обсужденія началъ соглашенія въ сеймовыхъ депутаціяхъ до сихъ поръ не было или, лучше сказать, оно оттягивалось подъ разными предлогами. Теперь же приходитъ извѣстіе, что такъ какъ хорватскій сеймъ, послѣ долгихъ преній, отказался разсматривать бюджетъ Бѣловарскаго комитата, находя, что правительственные чиновники, составившіе его, дѣйствовали неправильно, то правительство по этой, во всякомъ случаѣ маловажной, причинѣ намѣрено *закрывать сеймъ*. Еще рѣшительнѣе намѣрено оно дѣйствовать противъ сербовъ въ Банатѣ и Воеводинѣ, среди которыхъ такъ сильна радикальная партія, слѣдующая за высоко-даровитымъ Милетичемъ и имѣющая живыя связи въ Сербскомъ княжествѣ. Православные австрійскіе сербы сохранили еще драгоцѣнный для нихъ остатокъ автономіи въ дѣлахъ церковныхъ и школьныхъ и, высылая депутатовъ въ Карловицъ на церковно-народный сербскій конгрессъ, имѣютъ право вѣдать сами свои національныя дѣла, избирать своего церковнаго главу, но

сящаго имя патриарха, и т. д. Давно уже эта автономія была не по сердцу пештскимъ господамъ, и уже не разъ возбуждали они своею придирчивостью столкновения съ сербами. Одинъ вопросъ, доселѣ еще не разрѣшенный, давалъ всегда обильную пищу для раздоровъ,—именно замѣщеніе вакантнаго патриаршаго престола. Послѣ смерти патриарха Маширевича мадьяры уже выразили-было желаніе *назначить* на его мѣсто свою креатуру; оппозиція, встрѣченная ими тогда, заставила ихъ на время отступить отъ своего плана, и патриаршество было ввѣрено во временное управление епископу Стойковичу, получившему званіе администратора патриаршества. Нылъ этотъ вопросъ снова на очереди, такъ какъ возобновленіе сессіи карловицкаго конгресса предстоить весьма скоро. Правительству не желательно вовсе допустить еще разъ автономическому учрежденію этому собраться и обсуждать народныя вопросы; оно объявило, что позволить конгрессъ лишь на томъ условіи, чтобы вся его дѣятельность ограничилась избраніемъ патриарха; при этомъ былъ выставленъ и свой, прирученный въ Пештѣ, кандидатъ на это званіе. Десятками посыпались формальные протесты различныхъ сербскихъ городовъ и общинъ противъ этого деспотизма; рѣшимость сербовъ не допускать законной организаціи такого конгресса и во всякомъ случаѣ не принимать навязываемаго имъ мадьярскаго клеветы—высказана была повсюду съ особою силой. Нѣсколько времени длилась нѣкоторая нерѣшимость правительства; теперь же, когда рѣшена берлинская поѣздка Франца-Иосифа, въ Пештѣ рѣшили дѣйствовать круто и напрямикъ. Конгрессъ долженъ состояться во что бы то ни стало, правительственный кандидатъ долженъ быть избранъ, а для того, чтобы все это было исполнено въ точности, на конгрессъ будетъ отряженъ, въ качествѣ королевскаго комиссара, *генералъ* Моллинару....

Надѣмся, что изъ этой картины положенія австрійскихъ славянъ въ данное время, для которой такъ легко было бы собрать еще болѣе матеріала, видно, чего могутъ славяне ждать въ близкомъ будущемъ. Но не одни лишь славяне, подвластные Габсбургамъ, по и прочіе ихъ соплеменники находятся въ столь же опасномъ положеніи. Сербское княжество, которое давно уже сдѣлалось предметомъ мадьярскихъ властолюбивыхъ поползновеній, сознаетъ, что и для него кризисъ быстро приближается. Бѣлградскія празднества могутъ считаться манифестаціей славянской солидарности въ отвѣтъ на враждебныя замыслы; поэтому нельзя не пожелать, чтобы русскіе представители на этотъ съѣздъ сумѣли достойно истолковать тѣ чувства и стремленія, которыя воодушевляють русское общество. Запретъ, преградившій путь въ Бѣлградъ представителямъ австрійскихъ славянъ, показываетъ, что правительство не сочло даже нужнымъ сдѣлать исключеніе, хотя бы изъ приличія, ради торжественнаго вступленія на престолъ молодаго князя, на дальнѣйшія дѣйствія котораго не можетъ не имѣть вліянія это открыто выраженное въ первыя же минуты его царствованія рѣзкое недоброжелательство.

Наканунѣ важныхъ событій, славяне не теряютъ времени для большаго упроченія своего національнаго развитія. Такъ, хорваты собрали уже значительныя суммы для основанія національнаго университета въ Загребѣ, и открытiе этого учрежденія, для котораго приисканы уже надежныя научныя силы, предстоитъ въ скоромъ времени. Новый университетъ вмѣстѣ съ приобрѣвшею уже почетную репутацію харватской академiей и загребскимъ музеемъ, служа поучительнымъ примѣромъ того, что можетъ собственными силами создать народъ, политически созрѣвшій и сознающій свои силы, сослужать, конечно, не малую службу хорватскому народному дѣлу.—Въ то же время въ Прагѣ возбужденъ снова давно уже поднятый вопросъ о раздѣленiи мѣстнаго университета на двѣ половины—чешскую и нѣмецкую, изъ которыхъ каждая представляла бы самостоятельное учрежденiе съ своими учебными пособиями, музеями, кибинетами и т. д. Вопросъ этотъ, поставленный въ этомъ видѣ, былъ возбужденъ депутатомъ Цейтгаммеромъ въ пражской городской думѣ, встрѣтилъ живое сочувствiе и вызвалъ постановленiе думы о посылкѣ въ Вѣну особой денутации для ходатайства о раздѣленiи университета. Хотя въ ультра-нѣмецкихъ органахъ предположенiе это вызвало сильное неудовольствiе, но въ сферахъ, болѣе близкихъ къ правительству, проектъ этотъ встрѣтилъ даже нѣсколько сочувственный приемъ. Это отношенiе цислейтанскаго министерства къ замыслу, столь противорѣчащему, повидимому, его основнымъ стремленiямъ, покажется страннымъ лишь съ перваго взгляда. Между тѣмъ на дѣлѣ сдѣленiе идей здѣсь представляется слѣдующее: допуская раздвоенiе университета, чехи, стало-быть, отказываются отъ агитации за *одинъ* университетъ съ чешскимъ преподавательнымъ языкомъ,—это уже одна побѣда для нѣмцевъ; быть-можетъ, они захотятъ изъ своего новаго учрежденiя сдѣлать расадникъ своихъ сепаратистскихъ происковъ,—пускай они попробуютъ это; но кто имъ дастъ средства обставить свой университетъ такъ, чтобы преподаванiе въ немъ было сколько-нибудь успѣшно? Мы не уступимъ имъ ни библиотеки, ни какихъ бы то ни было собранiй; пусть устраиваются какъ знаютъ, а намъ они не могутъ отказать въ либерализмѣ,—это ли не національная равноправность, обезпеченная нашею достославною конституцiей?! Таково отношенiе министерства къ вопросу первой важности для чеховъ; какъ слышно, допуская раздѣленiе въ принципѣ, оно старается подкосить его въ зародышѣ, возбуждая вопросъ о недостаточности средствъ и о невозможности лишить теперешнiй университетъ его ученыхъ сокровищъ. Чехамъ остается показать, что заявленное ими требованiе было не простою демонстрацiей, а серьезнымъ дѣломъ—напрячь всѣ усилiя, чтобы воспользоваться удобною минутой и завоевать себѣ драгоцѣнную возможность высшаго образованiя въ національномъ духѣ. «Собрали же мы громадныя суммы для основанiя своего народнаго театра, сказалъ Цейтгаммеръ въ своей рѣчи въ думѣ,—

неужели же мы не можем своими же руками создать себѣ университетъ, столь же драгоценный для развитія нашей народности?» Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на всѣ невзгоды, на тяжкое разореніе, причиненное странѣ недавнимъ наводненіемъ, повсюду пронесется благородный порывъ, и чехи, подобно хорватамъ, покажутъ намъ новый примѣръ истиннаго патріотизма, который возбуждается и поддерживается не одною военною славою или завоевательною похотью, а иными, болѣе высшими интересами.

Чешскую партію постигла тяжкая невзгода, лишивъ ее одного изъ талантливѣйшихъ дѣятелей, на котораго возлагалось такъ много надеждъ и который оказался предателемъ. Мы говоримъ о Карлѣ Сабинѣ, одномъ изъ лучшихъ историковъ чешской литературы, талантливомъ романистѣ и драматургѣ и, какъ оказывается нынѣ, австрійскомъ шпионѣ. Только случайность открыла на это глаза чешскимъ вождямъ. Одинъ изъ тайныхъ агентовъ австрійской полиціи, возстановленный противъ своего начальства преслѣдованіями и несправедливостію, въ порывѣ мести, вызвался передать чехамъ важныя данныя, если только ему обезпеченъ будетъ кусокъ хлѣба. Получивъ на это согласіе, онъ укралъ изъ прежняго мѣста служенія кипу бумагъ, заключающую въ себѣ неопровержимыя доказательства участія Сабина въ тайномъ надзорѣ за дѣйствіями главнѣйшихъ чешскихъ дѣятелей. Всѣ ихъ сношенія, всѣ секретнѣйшіе планы были одинъ за другимъ съ тщательною подробностію сообщаемы Сабиной куда слѣдуетъ; каждый шагъ, каждый помыселъ чешскаго клуба былъ извѣстенъ полиціи. Мало того, — и это, быть-можетъ, самое ужасное изъ всѣхъ разоблаченій, — оказывается, что Сабина былъ ревностнѣйшій агент provocateur, что ему принадлежитъ первая мысль тѣхъ нелѣпыхъ, никѣмъ не одобряемыхъ и только вредившихъ чешскому дѣлу попытокъ, каковы, напр., были: дѣло о взрывѣ гранаты передъ домомъ полицейской дирекціи, надѣлавшее столько шуму три года тому назадъ; дѣло о тайномъ обществѣ *Бланикъ*, разбрасывавшемъ дѣтскія прокламаціи; наконецъ, и тотъ пресловутый заговоръ, имѣвшій цѣлью покушеніе на жизнь генерала Коллера, — заговоръ, о несостоятельности коего мы уже говорили прежде. Сабина задумывалъ эти дикія предпріятія, вовлекалъ въ нихъ наиболѣе горячія головы изъ молодежи, самъ былъ всегда во главѣ, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, и только искалъ случая быть схваченнымъ съ поличнымъ. Но прежде, чѣмъ какое-либо дѣло разыгрывалось вполнѣ, полиціи все уже было извѣстно, бѣдняки, обманутые Сабиной, подвергались тяжкимъ наказаніямъ за государственную измѣну, а самъ подстрекатель оставался безнаказаннымъ, продолжая въ другихъ сферахъ свое предательское ремесло. Уже не разъ странная роль Сабина обращала на себя подозрительное вниманіе его друзей, по онъ всегда умѣлъ отклонить всякое подозрѣніе и продолжалъ бы и теперь пользоваться репутаціей пламеннаго патріота, еслибы совершенно не-

чайнное никѣмъ разоблаченіе не открыло всѣмъ глаза. Затруднительное финансовое положеніе побудило Сабину измѣнить отечеству, и онъ не задумался предпочесть роль доносчика любому, хотя бы скромному, но честному занятію, которое при его извѣстности онъ легко бы могъ получить. Потерянный, униженный, опустивъ отъ гнетущаго стыда голову, стоялъ онъ передъ своими прежними собратьями, вызвавшими его на объясненіе въ собраніе чешской партіи. У него не могло быть ни отговорокъ, ни отпѣкванья,—факты были на-лицо и оставалось лишь сознаться во всемъ. Ему дали на выборъ: или лишитъ себя жизни, или на вѣки отправиться въ изгнаніе. Натура слабая, онъ предпочелъ послѣднее и ночью бѣжалъ изъ Праги, выбравъ себѣ убѣжищемъ—Россію. Плохой выборъ, дѣлающій мало чести сообразительности бывшаго агента!

Разоблаченіе измѣны Сабины имѣетъ, впрочемъ, свою хорошую сторону, какъ ни глубоко-печально такое, по-истинѣ трагическое разочарованіе. Не говоря уже о томъ, что для молодежи этотъ примѣръ послужитъ урокомъ въ необходимости большей вдумчивости, большей осторожности и серьезности въ политическихъ начинаніяхъ и отучитъ ее вѣрить на слово искателямъ несбыточнѣйшихъ приключеній,—онъ точно также покажетъ, что національная партія была всегда чужда тѣхъ ребяческихъ затѣй, которыя ей ставились въ виду врагами, что она никогда не дѣйствовала изъ-за угла, но предпочитала идти къ цѣли прямо, стойко, пробивая себѣ путь тѣми средствами, въ пользованіи которыхъ никто не вправе отказать гражданину.

Въ остальной Европѣ мы не найдемъ за послѣднее время ни одного событія, которое обращало бы на себя особое вниманіе. Всѣ глаза устремлены на Берлинъ, всюду въ большей или меньшей степени возбуждены тревожныя ожиданія и начинаютъ уже замѣчаться признаки комбинацій, долженствующихъ противодѣйствовать восточной коалиціи. Естественно, что въ подобной комбинаціи болѣе, чѣмъ какая-либо держава, заинтересована Франція. Англійскія газеты утверждаютъ, что въ Берлинѣ германское правительство предложитъ гарантировать сдѣланныя имъ въ минувшую войну земельныя пріобрѣтенія. Обезопасить себя отъ случайностей, могущихъ послѣдовать за подобнымъ договоромъ, сдѣлалось, очевидно, неотступною мыслию правительства г. Тьера. Прежде всего взглядъ его, конечно, обратился къ Англии, оставленной въ сторонѣ договаривающимися государствами; сближеніе Франціи съ Англійей было всегда отвѣтомъ на коалиціи, заключаемыя на восточной окраинѣ, и это сближеніе становится съ каждымъ днемъ все вѣроятнѣе. Уже англійскія газеты, первоначально относившіяся равнодушно къ съѣзду и принимавшія на вѣру его мирныя цѣли, мѣняютъ теперь тонъ и, находя, что упрочивать миръ въ настоящее и, безъ того спокойное, время, когда не сгладились еще тяжкія послѣдствія великой войны, совершенно излишне, — онѣ угадываютъ инныя, скрытыя цѣли,

вызывающія въ нихъ крайнюю подозрительность и неудовольствіе. Кромѣ сношеній съ Англіей, г. Тьеръ ищетъ себѣ опоры даже у такого не установившагося еще правительства, каково испанское. Онъ написалъ собственноручное письмо къ королю Амедею съ выраженіемъ искренней дружественности и желаніемъ скорого умиротворенія страны, упроченія его власти и добрыхъ отношеній къ Франціи. Это письмо, не безъ намѣренія получившее гласность, пмѣетъ, конечно, цѣлю оживить племенные романскія связи и опереться на нихъ въ будущемъ. Еслибъ италіанское правительство не шло нынѣ послушно за указкой берлинскаго кабинета, отъ котораго оно ждетъ упроченія присоединенія Рима, то сталъ бы возможнымъ столь сильный союзъ четырехъ государствъ, въ виду котораго дѣйствія Бисмарка стали бы значительно осторожнѣе. Быть-можетъ, римскія затрудненія будутъ улажены и безъ берлинской помощи. Новѣйшія телеграммы говорятъ, что кардиналъ Антонелли, донинѣ заклятой врагъ новой Италіи, грозитъ папѣ своею отставкой, если онъ, переставъ слѣдовать внушеніямъ іезуитовъ, не пойметъ необходимости добраго согласія съ италіанскимъ правительствомъ и не приметъ мѣръ къ установленію соглашенія. Рѣшеніе папы, если оно будетъ сочувственно этому предложенію, уничтожитъ само собою тотъ единственный корень раздора между Италіей и Франціей, который разъединяетъ въ настоящее время оба народа, гораздо болѣе близкіе во всемъ другъ къ другу, чѣмъ суровая нѣмецкая монархія и пылкая, почти республиканская, Италія.

Но для большей свободы дѣйствій г. Тьеру необходимо тѣснѣе сблизиться съ требованіями страны и, насколько онъ въ состояніи это сдѣлать, отвѣчать на нихъ. Приостановка сессіи національнаго собранія оживила снова требованія распушенія его и избранія новаго представительства. Агитація въ пользу этого распушенія, предпринятая радикалами, становится все серьезнѣе и успѣшнѣе. Если принять въ расчетъ раздоръ, уже возникшій между президентомъ республики и консервативною партіей, и сопоставить его съ упомянутою агитаціей, то распушеніе собранія явится дѣломъ не невозможнымъ. Бываютъ историческія минуты, когда сцѣпленіе обстоятельствъ прямо предписываетъ ту или другую крайнюю мѣру, какъ бы она ни противорѣчила первоначальнымъ предположеніямъ политическаго дѣятеля. Поэтому есть основаніе предполагать, что Тьеръ рѣшится на требуемое страной распушеніе собранія, какъ онъ рѣшился, какъ слышно, настоять на перенесеніи наступающей осенью столицы въ Парижъ, какъ ни былъ онъ самъ еще недавно противникомъ такой уступки народу.

